

ПИСЬМА А. А. КОТЛЯРЕВСКОГО К О. Ф. МИЛЛЕРУ

Публикация З. И. Власовой

Переписка А. А. Котляревского и О. Ф. Миллера запечатлела дружбу людей, противоположных и по характеру, и во многом по научным позициям, дружбу, основанную на глубокой любви к русской литературе, устной поэзии и науке, на бескорыстном стремлении служить своему народу что есть сил, в надежде на его лучшее будущее.

Александр Александрович Котляревский (1837—1881) — выдающийся ученый филолог 1850—1870-х гг. Его статьи, книги, рецензии, отличавшиеся прямой суждений, меткостью оценок, зоркостью и трезвостью взглядов на современные ему литературные и общественно-научные явления и процессы, оказали прогрессивное влияние на общий ход развития филологической науки в различных ее областях. К сожалению, научное и общественное значение Котляревского «освещено в нашей науке в гораздо меньшей степени, чем заслуживает этот выдающийся деятель».¹

В годы учения на филологическом факультете Московского университета Котляревский увлекался лекциями О. М. Бодянского и в особенности Ф. И. Буслаева.² Уже со второго курса он начал публиковать свои заметки, рецензии, самостоятельные серьезные статьи, поражающие верностью оценок современных ему явлений литературной и научной жизни. Котляревский пользовался большим влиянием в студенческой среде; он был членом кружка «вертепников» — одного из первых социалистических кружков 1850-х гг.

После окончания университета Котляревский получил место в Александринском сиротском кадетском корпусе и оказался в среде серьезно интересующихся наукой людей. Там преподавали будущие известные русские историки К. Н. Бестужев-Рюмин, С. В. Ешевский, Н. А. Попов, Н. С. Тихонравов.³

В эти годы укрепились и расширились его связи с прогрессивной и революционно настроенной молодежью (М. Я. Свириденко,

П. Л. Лавровым, А. Н. Афанасьевым и др.⁴), а также в петербургском ученом и литературном мире. Котляревский выступил с рядом серьезных статей — об «Истории русской словесности» С. П. Шевырева (М., 1858),⁵ «Истории русской поэзии» А. Н. Милюкова (М., 1857) и др. О первой из них А. Н. Веселовский писал: «Статья Котляревского, составляющая одно из украшений „Московского обозрения“, может быть названа типом его молодой критической манеры: много знания, самостоятельный взгляд, страстность изложения и, по-видимому, невольные юмористические выходы».⁶

В рецензии на второе издание «Истории русской поэзии» Милюкова, которую автор оценил как «первую попытку систематического изложения развития русской поэзии» и труд, «во многих отношениях замечательный», где есть «живое слово, живая мысль», он упрекал Милюкова за незнание древнерусской литературы и рассматривал это как отставание, невозможное после работ Ф. И. Буслаева в области изучения народной поэзии, ибо «народный язык и народная поэзия — два хранителя и нравственные воспитатели жизни народной».⁷

В работах Котляревского отразилось то прогрессивное движение в науке и обществе, которое питало революционно-демократическое направление 1860-х гг. «А. А. Котляревский был подлинным шестидесятиником не только по всему складу своей натуры и по своему общественному темпераменту, но и по складу всему своей научной деятельности», — заметил М. К. Азадовский в незаконченной статье о нем. Молодого Котляревского характеризует особенно пристальный интерес к изучению и публикациям произведений народной поэзии. В его статье «Русская народная литература» (1861) и книге «Старина и народность за 1861 год», составленной из отдельных статей, дан обзор исследований и публикаций по фольклору. Приветствуя внимание ученых к подлинному творчеству народа, Котляревский требует строгого научного изучения фактов. Он подробно остановился на изысканиях П. А. Бессонова,⁸ сопровождающих публикацию текстов в первых выпусках «Песен, собранных П. В. Киреевским» в виде дополнений, примечаний и заметок, в которых «нет никакого проку для науки», что доказывалось обстоятельным критическим разбором отдельных фактов.

Страстный библиофил и библиограф, Котляревский составлял обширную библиографию по истории русской и славянским литературам, а также редкую по достоинствам библиотеку, в которой разрешал работать своим воспитанникам.

В рецензии на «Народні оповідання» Марка Вовчка он отмечал, что литература «становится не одним приятным развлечением, но делом гражданским, которое будит и возвращает человека к жизни», а сами «оповідання» продолжают начатое Гоголем «реальное направление нашей литературы», которое, по мысли Котляревского, «стоит на пороге прошедшего и будущего: своею мыслью оно обращено к будущему, но жизнь, им изображаемая, наша настоящая жизнь может быть названа в некотором смысле *прошедшим*». Не имея возможности по цензурным условиям говорить открыто о смысле антикрепо-

стнических рассказов М. Вовчка, рецензент дает понять читателю, как велика губительная сила крепостничества: «Жизнь низменная, когда нет светлой путеводной точки впереди, черная работа до истомы и изнеможения, удовлетворение одной злобе дня без отрадной мысли о будущем действуют страшно на человеческую природу: они разрушают лучшие ее способности и делают из человека машину, недоступную никаким нравственным и умственным интересам. Только редкая энергия и сила воли способны вырваться из такой *смирительной среды*».⁹

Оценивая сборник стихотворений А. И. Полежаева, Котляревский назвал его «скорбным памятником нашего прошлого».¹⁰ Критической мысли молодого ученого наука обязана блестящим разбором известного исследования Ф. И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка», сохранившим свое значение и для нашего времени точностью и верностью оценок и анализа.

Успешно начатая литературно-критическая деятельность Котляревского была неожиданно прервана событием, которое изменило всю его жизнь. В 1862 г. он встретился с эмигрантом В. Кельсиевым, который нелегальным образом как связной А. И. Герцена с письмами к разным лицам прибыл в Россию, передал Котляревскому какие-то книги и что-то якобы получил от него. Кельсиев неосторожно упомянул об этом в письме, посланном из-за границы вскоре после отъезда. Упомянутые в его письме лица были арестованы, в их числе А. Н. Афанасьев и А. А. Котляревский. Они оба были увезены в Петербург, где после допроса Котляревский был посажен в Петропавловскую крепость, провел в камере полгода и навсегда подорвал здоровье. Для следствия встреча с Кельсиевым означала связь с революционной эмиграцией. Видимо, Котляревский держался стойко, категорически отвергал политические обвинения. Он и в крепости продолжал по памяти литературные занятия. Здесь им была написана и отослана в «Отечественные записки» статья «На память будущим библиографам».¹¹ Блестящая память оказала заключенному хорошую услугу: он свободно оперировал библиографическими фактами. О самообладании Котляревского свидетельствует и письмо его к К. Н. Бестужеву-Рюмину, написанное в крепости и озаглавленное им «Библиографическое послание». Оно без даты, но по содержащимся в нем косвенным данным можно полагать, что оно написано в период с сентября по январь, поскольку упомянут восьмой номер журнала, который Котляревский мог прочитать (ему было разрешено ограниченное пользование книгами и переписка). Послание сохранилось в архиве К. Н. Бестужева-Рюмина. Приводим его: «Сейчас прочел я, дорогой Константин Николаевич, конечно, Вашу библиографическую заметку (она опубликована без подписи. — З. В.) в восьмом номере „Отечественных записок“ 1862 г. (отдел русской литературы, с. 260—265) о первом выпуске лекций по русской истории Костомарова¹² и спешу, что называется, душу отвести, то есть не всю душу, а библиографическую часть ее, которая более трех месяцев дремала праведным, но не безмятежным сном. На странице 261-й Вы говорите: „Специальных сочинений о летописях мы

знаем три: Иванова, Поленова и Перевощикова В. М., но они кажутся более внешнего вида, чем внутреннего значения летописи; характер их почти исключительно палеографический". По несповедимым судьбам промысла в настоящую минуту со мной нет никаких книг, сколько-нибудь сюда относящихся (разрядка моя. — З. В.), но если не обманывает меня память, то Ваши слова подлежат некоторому изменению: во-первых, ни одно из этих сочинений не имеет характера палеографического: „Обозрение русских летописей“ Поленова, напечатанное сначала в Журнале Министерства народного просвещения в 1849 и потом отдельно в 1850, есть не иное что, как обозрение *изданий* русских летописей, начиная с изданий „Степенной книги“ и Таубертского „Воскресенского летописца“ и оканчивая „Полным собранием русских летописей“ Археографической экспедиции или комиссии.¹³ В этом обозрении буквально нет ничего палеографического. То же должно сказать и о сочинении Перевощикова „О русских летописях и летописателях до 12. . .“ (? — не помню которого года).¹⁴ Это рассуждение о первоначальном виде Несторовой летописи и ее продолжателях. Каким изданием пользовались Вы: отдельным ли (1839) или помещенным в „Трудах Российской Академии“ 1840 г.? В последнем оно пополнено и несколько переделано. Равным образом и сочинений Иванова имеются два: первое — „О русских хронографах“, Казань, 1842, где почти нет ни слова о хронографах, ни о летописях, и второе — „Обозрение русских временников“, Казань, 1843 — простой и сухой каталог нескольких летописных сборников разных библиотек — без всякого ученого значения.¹⁵ Здесь хотя и определяются некоторые палеографические признаки рукописей, но по большей части неверно!

Во-вторых, Ваше число — *три сочинения* — нужно пополнить еще несколькими, которые важнее всех этих трех, таковы: „Новгородских летописях“, исследование Срезневского в третьем томе (ni fallon!)¹⁶ „Известий Академии Наук по Отделению русского языка и словесности“, „О русских летописях в церковно-историческом отношении“ — очень и очень недурной ряд статей в „Православном собеседнике“ Казанской духовной академии 1859(60) г. По моему мнению, это лучшее, что было написано по предмету внутреннего значения летописей.

Извините, дорогой Константин Николаевич, мою библиографическую прить: ей долго не было никакого выхода — таки не выдержал, и — что Вы думаете — право, на душе стало легче. До свидания, быть может, скоро увидимся.

Преданный Вам душевно Котляревский. Да, забыл было: за что же Вы обидели Клеванова, а ведь он как старался уяснить „значение русской летописи в духовном развитии народа“ (Чтения, 1849, последняя книга)!¹⁷

Читаю сочинение барана Шеппинга — „Русская народность“¹⁸ — руки так и зудят написать статью „У всякого барона свои фантазии“.

И статья, посланная из крепости в „Отечественные записки“, и письмо дадут косвенное представление о способе защиты, который

избрал обвиняемый; видимо, он утверждал, что его интересы имеют чисто научный характер, ничего другого в беседе с Кельсиевым не могло быть.

Котляревский был освобожден без права преподавать и служить по ведомству народного просвещения. Он вернулся в Москву больной и осунувшийся, еще не зная о запрещении и о секретном надзоре полиции, который был за ним установлен. Около шести лет приходилось жить частными уроками, подвергаясь при этом внезапным обыскам, упоминания об этом есть в письмах к А. Н. Пыпину.¹⁹ В письме от 9 октября (без года) Котляревский жаловался ему на задержку статьи «О современном состоянии сравнительно-исторического языкознания»: «Меня постигло великое несчастье, перевернувшее вконец всю мою жизнь. Под гнетом этого несчастья я нахожусь еще и теперь, по истечении почти трех месяцев. Когда я вздохну свободно — не знаю». В другом письме он сообщал: «Вот я и на свободе< . . . > как все это случилось, расскажу, когда все это сделается воспоминанием, хотя сомневаюсь, чтобы когда-нибудь оно могло сделаться воспоминанием приятным».²⁰ Намек на ожидание очередного обыска есть также в одном из писем к О. Ф. Миллеру.

Несмотря на неопределенность своего положения после выхода из крепости, Котляревский много сил и времени отдавал научной работе: участвовал в заседаниях Московского археологического кружка, послужившего основой для образования научного Археологического общества, где вскоре стал рецензентом и редактором его трудов, был инициатором создания журнала «Археологический вестник». Возглавивший московское Археологическое общество граф А. С. Уваров оценил незаурядность и способности Котляревского и впоследствии своим влиянием и рекомендацией помог ему получить возможность вернуться к преподавательской деятельности. Он участвовал в заседаниях Общества любителей российской словесности, где сделал доклад «Семейный быт в русской народной сказке», текст которого не сохранился.

В 1868 г., при содействии Уварова, Котляревский получил разрешение занять место экстра-ординарного профессора в Дерптском университете. К этому времени он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян», доставившую ему известность в славистических ученых кругах. Он становится почти постоянным рецензентом Академии наук на присуждение уваровских премий, членом «Эстонского Ученого общества», работает над темой «Древности балтийских славян», исследуя памятники XII в. Обострение полученного в крепости туберкулеза вынуждает к лечению кумысом, но оно не помогло остановить процесс. Котляревский уезжает для лечения за границу. С 1872 по 1874 г. он живет на острове Капри и в Праге, где продолжает начатую в Дерпте работу над докторской диссертацией. В Праге Котляревский становится центром кружка русских и чешских ученых славистов. Бывавший в этом кружке славист А. А. Кочубинский вспоминал: «При виде коренастого, хорошо сложенного человека с звучным голосом, быстрыми движениями, я был совсем

далек от мысли, что предо мною больной человек и больной неизлечимок. . .) Мягкий тембр голоса, веселая улыбка на лице, непринужденная приветливость обращения — все это действовало обворожительно и влекло с первого же знакомства».²¹ У Котляревского собирались на вечерний чай, который был чаем только по названию и «заканчивался прекрасным ужином, который затягивался до трех, четырех часов утра к страшному соблазну домовладельца-чеха, не могшего ума приложить, как это русские могут не спать после десяти часов вечера. По обычаю, живая, увлекательная, остроумная беседа хозяина делала время незаметным, и наши чешские друзья Ранк и Патера и другие сами привыкли мало-помалу к нашему порядку дня и засиживались вместе с нами до утра». Любопытно, что «при этих беседах было установлено правило: никогда не обижаться случайным резким словом, быть откровенным и говорить откровенно». В Праге Котляревский опубликовал «Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права» (1874) и «Книгу о древностях и истории поморских славян в XII веке. Материалы для славянской истории и древности. I. Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности» (1874).

Осенью 1874 г. в Петербургском университете на основе двух выше указанных книг была защищена докторская диссертация и получено разрешение занять место ординарного профессора в Киевском университете. Здесь был прочитан ряд курсов, составивших, по словам И. И. Срезневского,²² «энциклопедию русского славяноведения». Котляревский избирается председателем Исторического общества Нестора-летописца, привлекает к участию в обществе видных ученых, историков и славистов, регулярно проводит заседания с обсуждением научных новинок и исследований о древних памятниках.²³ Он издал сочинения М. А. Максимовича, поддерживал советами и участвовал в любимых им «Филологических записках» — журнале, который он считал подлинно филологическим и единственным в этом роде. Но украинский климат не спас от быстротечного развития болезни. Последняя его значительная работа — «Древнерусская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» (1881) — была, по желанию автора, напечатана в 33-х экземплярах для друзей. Подобный же труд подготавливал Котляревским по истории устной народной словесности.²⁴

В мае 1881 г. тяжело больной Котляревский поехал для лечения за границу. Он скончался в Италии 11 октября, не дожив до 44-х лет.

Знакомство Котляревского с Орестом Федоровичем Миллером (1833—1889) началось заочно, с неприятного для последнего события. В отзыве на магистерскую диссертацию Миллера «О нравственной стихии в поэзии» молодой ученый показал научную несостоятельность работы. Миллер в обзоре древних периодов развития литературы разных народов стремился проследить развитие нравственного идеала в поэзии и считал, что в ней идет борьба двух начал: высшего, духовного, и низшего, чувственного; идеальный мир поэзии показывает человеку, каким он должен и может быть, учит самоограниче-

нию, способности к самопожертвованию. Автор обвинил современную ему литературу в материализме, отсутствии истинной нравственности, которая всегда представляет главный критерий человеческой деятельности. В условиях пробуждения самосознания общества в конце 1850-х годов работа Миллера не была понята и вызвала отрицательные отзывы Добролюбова (в «Современнике». 1858, № 10 и более сдержанный в «Отечественных записках». 1858, № 10) и Котляревского в «Атенее» (1858, № 37, 39). Последний показал неполноту материала, поверхностность подхода, зависимость философской позиции автора от работы гегельянца К. Розенкранца. Существенным недостатком работы Котляревский считал незнание устной поэзии, без учета которой нельзя судить о литературе древнего периода у любого народа.

Отзывы ошеломили Миллера, тогда уже получившего степень магистра. Они закрывали перед начинающим ученым даже возможность напечатать объяснение своей позиции. И Добролюбов, и Котляревский, не зная Миллера, изложившего в работе нравственную программу своей жизни (далее он следовал ей неукоснительно), сочли его диссертацию выражением старого отживающего мировоззрения. Но критика заставила магистранта многое пересмотреть. Он начал интересоваться устной народной поэзией, читал публичные лекции о Шиллере и по истории русской словесности (о Белинском).²⁵

В 1865 г., благодаря дружеской поддержке известного педагога К. Д. Ушинского, Миллер был приглашен в Смольный институт преподавателем русской словесности. После поездки за границу для пополнения образования, а также после нескольких успешных выступлений в печати в 1863 г. он был утвержден приват-доцентом Петербургского университета. Лекции его имели большой успех. Он выпустил двумя изданиями свой опыт систематического изложения истории русской словесности, начиная с древнерусской литературы. Котляревский, всегда пристально следивший за всем новым в литературе, оценил эти издания Миллера и в 1865 г. послал ему свои статьи и письмо. Так началась их переписка и последовавшее за ней личное знакомство. Впоследствии, расходясь в оценке научной деятельности славянофилов и отчасти теории сравнительно-исторического изучения поэзии народа, они тем не менее стали большими друзьями. Миллер обижался, если Котляревский во время своих приездов почему-либо не навещал его. Установлению дружбы способствовали и личные качества Миллера, его незаурядность, высокая требовательность и искренность в отношениях с людьми. Он всегда стоял на прогрессивных позициях гуманиста, ценил исключительные способности Котляревского, даже радовался, когда тому стало невозможно оставаться в Дерпте, и надеялся со временем перетащить его в Петербургский университет. Прямота высказываний каждого из корреспондентов не мешала дружески внимательному и уважительному отношению друг к другу. Со временем Миллер стал известным и очень популярным в Петербурге профессором. Его книга «Русские писатели после Гоголя» выдержала четыре издания. Он был страстным пропагандистом современной ему литературы, стремился

установить личное знакомство с литераторами, как, например, с Достоевским, постоянно выступал в печати со статьями, небольшими монографиями, заметками и рецензиями, выполнял многочисленные общественные обязанности: был товарищем председателя в Обществе вспомоществования студентам, оказывая в случае необходимости помощь нуждающимся из своих личных средств, был членом Литературного фонда, бесплатно читал лекции на Бестужевских женских курсах и жертвовал в их фонд часть своего заработка. Миллер восхищался даровитостью и прогрессивными устремлениями молодежи и возмущенно писал Котляревскому: «И такую-то молодежь окрестили у нас нигилистами!»

Как ученый Миллер следовал мифологической теории и в этом также расходился с Котляревским, который, хоть и был учеником Ф. И. Буслаева и, следовательно, в какой-то мере сторонником мифологической теории, но подходил трезво к ее постулатам, признавая ценность для науки сравнительно-исторического метода. Несколько различные позиции занимали оба они в известной полемике с искусствоведом и критиком В. В. Стасовым, представителем теории заимствования, выступившим в 1868 г. с книгой «О происхождении русских былин». Она наделала много шума и вызвала пристальное внимание научной общественности к вопросу о генетических истоках русского эпоса. Миллер участвовал в устной полемике со Стасовым в этнографическом отделе Русского географического общества и неоднократно выступал в печати, отстаивая самобытный и национальный характер русских былин. Полемическую направленность имела и его докторская диссертация «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869). Котляревский, всегда отличавшийся страстным полемическим задором, в данном случае оказался в стороне: он только что приступил, наконец, к преподаванию после вынужденного и долгого перерыва, осваивался с новыми для него обязанностями и, кроме того, в прибалтийском климате сразу получил обострение болезни.

Оба они не принимали направления М. Н. Каткова и «Московских ведомостей» с их реакционно-охранительными тенденциями.²⁶ Уже после смерти Котляревского Миллер был уволен из университета за лекцию о Каткове, тяжело переживал свой отрыв от постоянной учебной деятельности и через два года после выхода в отставку скончался.

Переписка Котляревского и Миллера вводит читателя в мир общественных, литературных и научных интересов 1860—1870-х гг. Она раскрывает особенности двух незаурядных человеческих характеров. Наиболее полно отразился в письмах характер Котляревского. Орывки из писем Миллера даются в комментариях.

Сохранилось 19 писем Миллера к Котляревскому и лишь 8 писем Котляревского к нему. Из восьми шесть писем хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (фонд 156, опись 1), два — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: к. 5, № 135; к. 11,

№ 17. Письма Миллера хранятся в фонде Котляревского в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 386, № 80).

При публикации сохраняются авторские особенности написания слов, имен, фамилий и научных терминов. Слова и выражения, подчеркнутые в письмах автором, специально не оговариваются.

1

<1866 г., Москва>

Глубокоуважаемый, достойнейший Орест Федорович! Извините примерное свинство моей природы, что до сей поры не собрался ответить на Ваше любезное письмо и поблагодарить Вас за статью о сказках.²⁷ Прочел я ее с истинным удовольствием, хотя и не могу согласиться с некоторыми частными положениями ее. Как-нибудь, коли забота о существовании позволит и мрачная, неприветливая к музам и науке общественная атмосфера очистится — как-нибудь выражу свои разногласия печатно. У меня более 2000 сказок малорос<ийских> и между ними *некоторые* — решительная драгоценность и для науки, и для поэзии (искусства). Вчера в Обществе губителей рос<ийской> словесн<ости>²⁸ я читал статью о *семейной* стороне русских сказок, прошла она незаметною, только Калачов оценил — если не исполнение, то, по крайности, намерение — и за это спасибо! ²⁹ Печатать ее я не стану: незачем! Людям занимающимся все это и без меня хорошо известно, а иные — что им сия Гекаба и что сей Гекабе до них.³⁰ Вообще, на душе так скверно, что руки не поднимаются ни к какому делу, чувства становятся тупы к обаянию науки! Ведь не бессловесные же мы духи, а все же дети *известной* земли и *известных* (слишком известных!) обстоятельств.

В настоящую минуту я всего более способен разделить вышесказанные Вами мысли о славянофилах: ³¹ они были *честные* деятели литературы, они не смешивали литературы со стремлениями полицейского сыщика; но зачем рýдите вы их в людей науки, зачем говорите о их заслугах в отношении науки; ведь это противоречит правде и истине, ведь их ученые упражнения — это бред, благородный, почтенный, но все-таки *невежественный*.

Отымите у покойного К. Аксакова его природную гражданскую честность, отвлеките гражданина-писателя от ученого — и последний окажется лишь наивным ребенком, которому неизвестно даже элементарные приемы ученого труда; ³² а Безоснов — неужели эту — до Геркулесовых Столбов безумия дошедшую доктрину Вы назовете заслугой в науке? Нет, таких людей нельзя назвать людьми науки! Вашими добрыми поминками о них руководило теплое чувство, но оно-то и подкупило Ваш приговор. Как ни нелеп иногда бывает Буслаев и К⁰, но в науке за ним останется *имя*, действительное *дело*, а за славянофилами — ничего, кроме славы, погибшей с шумом; иное дело — область гражданской литературы, здесь славянофилы — живой упрек нашей мелочной, пасквильной публицистике, унижившейся до площадной брани и грязного доноса.

Довольно об этом. Верю, что Вы не посердитесь на меня за эти строки и потому снова продолжаю, что начал. Благодарю Вас сердечно за Вашу первую часть Истор<ии> р<усской> лит<ературы>.³³ Я вчера лишь получил ее от Бестужева (через одного эфиопа Карпова), пробежал наскоро и от всей души поздравляю Вас с успешным преодолением таких трудностей, о которых знают лишь те, кто понимает дело. Не примите за пустой комплимент, но я сердечно радуюсь появлению Вашей книги: многое, о чем я думал, мечтал, получило в ней достойное, осязательное выражение. Хотелось бы мне написать о ней несколько слов в С.-Петербургских<х> вед<омостях>, но подожду окончания. Внешность книги далеко не соответствует внутреннему содержанию, в особенности бумага, кривая, косая, с жирными зализями. <...> Или, быть может, мне попался такой анафемский экземпляр. В хрестоматии я не понимаю причин изменений в языке «Слова о полку» Иг<оре>», на это, кажется, Вы не имели ни малейшего права, да к тому же изменения проведены непоследовательно: кое-где изменено, в других местах то же самое — нет. По моему мнению, следовало печатать текст неприкосновенно и предложить (хоть в скобках) свое чтение. Равным образом мне кажутся неуместными и козломейогербелевские переводы,³⁴ неверные, фальшивые по тону! Не лучше ли было бы напечатать хоть прозаический перевод Максимо-вича или сделать свой, а Вы хорошо исполнили бы его! Впрочем, все это лишь частности. За целое же — великое Вам спасибо. Как-то по душе мне Ваша книга, хотя — не скрою — со стороны большинства публики, заматерелой в литературных понятиях, Вы не встретите должной и праведной оценки, на что, впрочем, и глядеть не следует.

А. Н. Афанасьев благодарит Вас за статью о сказках и отдал мне для отсылки к Вам свой первый том «Поэтических воззрений славян на природу». Зайдите в книжную лавку Базунова (на Невском против милютинских лавок) и спросите пакет, адресованный на Ваше имя.

Скоро я думаю предложить Вам свою диссертацию о погребальной языческой старине у славян, она почти готова, в июле начну печатать без разрешения университета <...> одобрят — хорошо, не одобрят — не заплачу, ибо пишу ее не ради магистерства, а ради того, чтоб была написана.³⁵ Имею еще к Вам небольшую просьбу, дорогой Орест Федорович: по моему предложению Московское археологическое общество избрало К. Н. Бестужева в свои действительные члены, мне нужно известить его, а квартиры его я не знаю. Не будете ли Вы столь обязательно любезны сообщить ему мою коротенькую записочку, которую здесь и посылаю.

Через три дни.

Прошло три дня, как я писал к Вам эти строки и разные невзгодья помешали мне окончить: каждую минуту жду незваных гостей,³⁶ и оттого все идет вверх дном. Не взыщите, достойнейший Орест Федорович, если написал чего-либо грубое или как-нибудь неуместно потревожил Вас своими lamentациями. Знаю я о Вас очень немного,

но знаю Вас за хорошего, доброго и сочувствующего человека. С таким чувством остаюсь и, нет сомнений, останусь всегда!

Любящий и искренно уважающий Вас

А. Котляревский

2

15 июля <1867>. Сокольники.

Дорогой Орест Федорович!

Если я день-другой опоздал ответить на Ваше любезное письмо, то винить нужно Бога-громовника, который — по мифической ретаставрации Афанасьева — сжимал богиню лета или тучу в своих объятиях, соединялся с ней молнией, и проливал свое семя на землю. Сия божественная случка длилась безостановочно три дня — и результатом ее было, что, во-первых, я вернее чем когда-либо понял причину, почему славянская мифология не доразвилась до антропоморфических личностей богов (ибо человек не может заниматься сим актом безостановочно три дня), во-вторых, я не мог быть в городе и не мог получить Вашего письма. «Азовское сидение» мне хорошо известно: это плоская и ничтожная вещь и в историческом, и в поэтическом смысле.³⁷ Вам решительно незачем печатать ее, незачем и в Румянцевский музей ходить за справками, потому что она попадалась мне раз пять в рукописях Публичной библиотеки, спросите только иже во святых отца нашего Афанасия Лысого (Бычкова)³⁸ — и он Вам без затруднения ее отыщет. Помнится и мне, что это «Сидение» было напечатано, но где — сказать теперь не могу: нет справок под руками. Впрочем, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить Вас, отмечаю номер рукописи Публичной библиотеки, где есть это пресловутое произведение: по каталогу Толстова отд<ел> II, № 358.

Вчера отослал в Академию Наук рецензию на книгу Афанасьева: я обошелся с ним немного жестче Вас, но думаю, что премию он получить должен.³⁹ Когда рецензия будет печататься, то прибавлю кое-что и для науки пригодное, но теперь не было ни времени, ни места, ибо она и так растянулась на 82 страницы письма. Со многим Вы будете несогласны, но, думаю, не со всем.

Теперь сижу и пополняю пробелы диссертации, а когда скажу: «течение скончах и веру соблюдох» — еще и сам не знаю.

У меня к Вам две просьбы, дорогой Орест Федорович: во-первых, если имеете оттиск Вашей статьи (Ж<урнал> М<инистерства> н<ародного> п<росвещения>), то пожертвуйте мне экземпляр, передайте Кожанчикову, пусть пришлет мне чрез Базунова; во-вторых, когда увидите Кожанчикова, то скажите, что я ему посылаю дружественный привет в форме «сукина сына» — за его мнение о моей исправности и прошу его прислать мне за это IV том Рыбникова, как только он появится.

Простите пока, дорогой Орест Федорович, и верьте в мое искреннее, глубокое уважение и преданность к Вам.

Ваш А. Котляревский

Что Ваш Илья Муромец сиднем сидит? Притворитесь (или накрутитесь) скорее в калику пережоженного, поднесите ему водицы испить — пусть на ноги встанет — пора.⁴⁰

3

Dorpat <1868>

Драгоценнейший Орест Федорович!

Извините мое молчание тем, что я не имел куда главы подклонить; книги лежали неразобранными, и я не мог удовлетворить Вашего требования, потому что не мог найти своей тетради. Теперь нашел ее, но думаю, что немногим стану Вам в пригоде, разве несколькими библиографическими ссылками: 1) в раскольниковых печатных «страстях Христовых» в конце прибавляется «Сказание о Юде-предателе», он убивает отца. Это сказание общераспространено в средние века и нередко встречается в наших рукописях; 2) Mohl. Le livre de Roi par Firdousi, t. 1, p. XXXV; 3) Grimm Gebrüder. Die beiden ältesten deutschen Gedichte aus der VIII Jahrhundert, 1812, p. 43; 4) в дрянной книжонке «Русские простонародные легенды, дополненные восьмью новыми», СПб., 1861, стр. 41—50; 5) Uhlands Thor. . . p. 205.

Остальное, я думаю, Вам известно лучше, чем мне. Если же Вы желаете обработать весь мотив о *кровосмесителе*, то могу прислать к Вам два сказания, списанные мною с прекрасной рукописи Ундольского: о св^ятом Григорие, папе Римском и о св^ятом Андрее Критском.

Малороссийского весьма любопытного предания я не могу найти, ибо при переводе все было у меня свалено в кучу. Найду — пришлю.

В богоспасаемом граде Дорпате, бывшем когда-то Юрьевым, живет мне не совсем ладно, хотя меня радует, что на мой специальный курс славистики существует до 15 охотников, тем не менее *es ist mir nicht heimlich sich*.⁴¹ Что Ваш Илья, дорогой Орест Федорович? Скорее выпускайте его на свет, жду с нетерпением.

Получили ли Вы от Лерха мою рецензию на сочинение Афанасьева? Я ему передал для передачи Вам.⁴² Да напишите о моей книге, исправьте, дополните, поругайте.⁴³

Преданный Вам сердечно и дружески жмущий Вашу десницу
А. Котляревский

Передайте записочку Кон^стантину Николаевичу.⁴⁴

4

Драгоценнейший по-прежнему Орест Федорович — здравствуйте!

Не писал Вам долго, потому что собирался сам своею особою приехать в Петербург, и теперь пишу пару слов по той же причине: собираюсь встретить Пасху у Вас, если не встретится *особых* каких-либо помех.

Объяснение по старой истории начну теперь, а окончу при свидании. Дело в том, что я *давно* собирался писать о койбальской теории,⁴⁵ набросав даже кое-что, но обработать не имею времени, ибо

каждая лекция в университете брала у меня ежедневно от семи до восьми часов времени. Все же я думаю, я сумел бы найти время для ученой войны, но когда получил С.-Петербургские ведомости и прочел его реплики Вам и Гильфердингу,⁴⁶ мне сделалось ясным, что вести спор путем *журнальным* не годится; это значило бы желать сесть в помойную яму; тогда я решил совсем не препираться со Стасовым, а серьезно осмотреть его теорию в одной главе моей докторской диссертации (которая, мимоходом сказать, пишется по-русски): пусть он получает премии и всякие *laudofionei*,⁴⁷ а давать повод к его ругательству я не намерен, ибо не желаю ни производить, ни быть предметом скандала. Спорить можно с тем, кто ведет спор совестливо, кто знает различие между литературой, наукой и пасквилем. В Стасове я не находил этих условий и потому уклонился от полемики, предпочитая ей ученое опровержение, от которого *не отступаю и не отступлюсь*.

Трудности (Ваше выражение) тут было столько же, сколько и ученого достоинства в статьях Стасова. На сем прерываю, до свидания.

Что Ваш Илейка? ⁴⁸ Не дадите ли Вы мне корректурных листов прочесть в Петербурге? Что Бестужев, обновленный банею археологического пакибытия, прибыл ли он в Питер? Попросите его оставить мне в магазине Кожанчикова о сем уведомление, а равно и Петровского адрес,⁴⁹ коли увидите его. Засим до свидания,

преданный Вам душевно

А. Котляревский

10 апреля.

На первый день праздника буду у Вас часов в шесть.

5

«март, 1869»

Странное и — не скрою — неприятное впечатление произвела на меня Ваша записка, Орест Федорович.⁵⁰ Я думал, что Вы на меня *можете* сердиться, думал, что это неприятное чувство пройдет, когда при свидании я объяснюсь с Вами по-дружески — и вдруг Вы отымаете у меня и возможность, и надобность такого объяснения: Вы определяете свои отношения ко мне меркою отношений к Вам Стасова и К°, замечая при этом, что Вы на моем месте поступили бы *не по-моему*. После этого в сущности становятся излишни и даже невозможны всякие открытые объяснения, и я с полным правом мог бы повторить Ваши слова, что «на Вашем месте я счел бы долгом поступить не по-вашему», а потребовал бы отчета. Риза милосердия, которою заодно покрываете Вы меня, Стасова и его покровителей — не на меня сшита,⁵¹ и я не желаю становиться под нее ни в одиночку, ни со Стасовым, ни от врага, ни от человека близкого, каким привык считать Вас. Так гляжу я на дело. Полагая, однако, что могу ошибаться, прошу Вас по-прежнему — известите меня: нужно ли для Вас мое объяснение, почему я не вошел в полемику со Стасовым, или Вы склонны и без него обойтись. И в том, и в другом случае *Ваше желание будет удовлетворено*.

Что произведение Стасова увенчается премией — это почти верно: Буслаев, известный своею трусостью, побоится высказать правду, а Шефнер (Schiefner) — я думаю, он-то и побудил Стасова представить сочинение на конкурс. Впрочем, почему же и не увенчать труд столь обильный *неожиданными* открытиями! В докторскую диссертацию я избрал себе «Древнейшие остатки народной поэзии славян — у летописцев до XIV в.»⁵² Собираю материалы и потихоньку пописываю, в первой главе и текст, и обстоятельное примечание будут посвящены разбору койбальской теории нашего приятеля, думаю, что во многом сойду с Вашим «Ильей», за которого опасаясь, что он не будет похож на настоящего Илью, ибо тот сразу поднялся на ноги, а сей ползет туго, по листикам. (Сие сближение мое — прошу Вас — не сообщать Стасову, ибо я уверен, что он о нем напишет статью!). Имеете ли Вы понятие об издании Дмитриева: «Памятники русского северо-западного творчества» или оно еще не выходило в свет? ⁵³ Если вышло — то что это такое? А «Малороссийские сказки» Рудченко — за исключением некоторых — прекрасны и новы по содержанию, читали ли Вы их? ⁵⁴ Также рекомендую Вашему вниманию книгу сербских женских песен Петрановича, не ту, которая вышла в Белграде, а другую, вышедшую в Сараеве, 1867. Для мифологии — это клад.

Простите, преданный Вам

А. Котляревский

6

Дорогой Орест Федорович, здравствуйте!

Сердечное спасибо Вам за карточку: всякая весть от приятелей для меня, коротающего век среди *народа нема*, отрадна, а тем более от такого приятеля, которого я душевно люблю и искренне уважаю. Вы пишете, что у Вас делается много пакостей — это что! А вот наши пакости — всем пакостям пакости.

С немцами, кажется, разошелся вчистую и навсегда < . . . > Боже, что за народ! Балтики, хотя и злокозненны, но, по крайности, народ по большей части образованный; а заграничная свора — хотя и не злокозненны, но зато — какая тупая ограниченность, глубокая ученость и еще глубочайшая необразованность; а туда же еще — высокомерие, что «мы-де только люди» < . . . >

Человек с более холодным темпераментом сумел бы стать на точку презрения к этой шайке умственного пролетариата; я — не могу и поминутно должен употреблять то злую насмешку, то серьезные *предостережения*. Убеждениями ничего не поделаешь, насмешка только дразнит, но предостережений эти хамы боятся и потому ладят со мной, несмотря на то, что внутри у них кипит оцт и желчь холопской природы < . . . > Сказать ли Вам правду? Не считите ее *ламанским* самохвальством,⁵⁵ но всего более не нравится немцам мыслительная часть моей природы: они не могут допустить, чтобы россиянин мог быть не глупым человеком; это стоит им поперек горла, и утешаются они только тем, что я вырос «unter dem Einflusse der deutschen Kultur und Wissenschaft».⁵⁶ О милые благодетели наши!

Злословлю я, батюшка Орест Федорович, но право, невтерпеж! Несколько недель тому назад раздражили они, сучьи дети, меня до того, что я слег в постель: показалось снова сильное кровохарканье < . . . > Продолжалось, правда, недолго, но каждый час может повториться < . . . > В виду такого обстоятельства я решился на осень ехать за границу, где думаю пробыть года два. Не пустит меня министерство — плюну и выйду в отставку; но в Дерпте во всяком случае не останусь долго. Лучше в Сибирь, чем здесь!

Поедете Вы в Киев, прошу Вас сердечно — употребите Ваши усилия, чтобы взяли меня туда. В два года заграничного пребывания (зимой — в Риме, летом, осенью, весной — в славянских землях) я думаю, что успею достойно приготовиться к киевской славянской кафедре.

Несмотря на то что Яковлев очень плохо говорит по-немецки, он успел, однако, замутить половину Дерпта своими баснословиями.⁵⁷ Прискорбно это тем более, что по природе он добрейший и прекрасный человек. Ума в нем не более, чем в моих просветителях — немцах, знаний — разумею: *основательных* знаний — почти никаких; но зато чреват и как еще чреват мифическим элементом и притом элементом свежим, первобытным, неумышленно бессознательным. А такого рода мифология, как Вам известно, редка — и встречается только у Ламанского, Стасова и Безсонова.

Что сказать Вам о своих занятиях? Не спорится работа, печатанье диссертации движается очень тихо, почти не движается, благодаря московской типографии: работа дальнейшая идет лениво, вяло — так что придется тянуть еще долго, все лето и, может быть, еще долее. До отъезда за границу я однако должен окончить, и в сентябре, если Ваш факультет будет милостив, должно произойти побоище. Говорю: будет милостив — иной милости я не прошу, как возможного сокращения срока просмотра. Кстати, не услышите ли, где наммеревается провести лето Измаил, ибо, признаюсь, не хотелось бы мне иметь дело с одним Ламанским, хотя он и считает себя умнее всех в мире.

Посылаю Вам мою образину: похож на купца, торгующего рыбным товаром, но лучшей нет, не взыщите!

Не отыщете ли Вы свободную минутку, чтобы утешить меня весточкою о себе, Бестужеве (где живет он, то есть, какой адрес его квартиры?), Веселовском⁶⁸ и вообще об университете. Будьте другом — порадуйте!

Простите пока, дорогой Орест Федорович, обнимаю Вас дружески, от всего сердца.

Ваш А. Котляревский

24 февр<аля> 1872.

Дурно, дорогой, добрый Орест Федорович, подумаете Вы обо мне, что на Ваше любезное письмо и присылку — молчу. . . А молчу, право, не оттого, чтобы напало равнодушие, нет; ровным и чистым,

искренним боем бьется мое сердце в отношении к Вам, но немощи одолели выше меры: еле дышу после прошлогодней болезни.

Сию по «ухи» в критико-библиографической работе, читаю студентам «Историю разработки древнерусской письменности». Пишу лекции, имея дерзновенное намерение напечатать. Между прочим, нет у меня Вашей речи «О русской литературе, в период монгольский», я даже никогда не видел ее, а нужна мне она.⁵⁹ Нет ли отдельного оттиска? Пришлите, коли есть.

Стал я известен, что Вы продолжаете Вашу «Историю русской литературы».⁶⁰ Если это правда, то «*niech będzie pochwalony Pan Bóg*»;⁶¹ никто более меня не порадуется этому.

Соколову оказал и готов оказать всякую помощь;⁶² хороший он малый, хотя очень уж несамостоятелен: *semper iurat in verba magistri*.⁶³ Оно бы и ничего бы, да этот магистр-то «греко-славянин», т. е. гражданин той невозможной и небывалой цивилизации, управляющими которой являются Будиловичи, Кояловичи, Скабалано-вичи, Зосифовичи — их же имена ты, Господи, один веши.⁶⁴

Книгу Вашу («Славянство. . .» etc.) с великим удовольствием читаю,⁶⁵ но грустно становится за себя, что становишься год от году равнодушнее к тем «живым» вопросам, которые так живо хватают Вас и которые иногда так хорошо Вы изображаете.

О Европе я скажу несколько иначе, чем Вы, конечно, потому что стою на иной точке зрения, но едва ль менее Вас я ободряюсь насчет ее великости. Мерзка сия Европа мне и в своем величии и именно в своем *теперешнем* величии, но столь же мерзок и *фактор греко-славянского мира*. А любезно и близко к сердцу славянство, но никак не действительное, существующее, а долженствующее быть действительным, возможное; еще любезнее, еще ближе наша бедная страдающая Русь, но по преимуществу Русь молодая, над духом и телом которой, с одной стороны, европейцы и жида, с другой — «греко-славяне» производят беспрепятственно свои операции.⁶⁶ И как еще она выходит из этого омута, сохраняя и здравый смысл, и чувства человека — удивительно! Вообще, о «славянстве» я пришел к таким убеждениям, которые одинаково далеко и от «европейцев» и от «греко-славян». Если бы удалось побеседовать с Вами, дорогой Орест Федорович, — может быть и Вы посердились <бы> на меня, но, конечно, с незлобием, малознакомым «греко-славянскому миру», с тем незлобием, образец которого нахожу я в Вашей книге, стр. 188—189, в примечании».⁶⁷

Простите, однако, дорогой мой Орест Федорович. Обнимаю Вас от полного сердца, прося и Вас не измениться к Вашему Котляревскому.

Просто как-то совестно начинать письмо к Вам, добрый дорогой Орест Федорович — таким сильным должником чувствую я себя перед Вами. С Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым я не стесняюсь: он никогда не был щедер на память и внимание

к *таким друзьям*, как я, а в последнее время и подавно, зане «сел в боги» и, как говорят мои соотечественники, «запанел», т. е. стал персоною. С Вами наоборот; мне просто, говорю, совестно за Ваше расположение и внимание. Брошюрки Ваши, на днях мною полученные, напомнили мне о моем долге с новою силою. Пред началом лекций есть свободный часок — и я пишу.

Если Вас интересует моя судьба, то не скажу Вам о ней ничего доброго: прежде времени состарился, почти вовсе не могу ходить, нигде решительно, кроме университета (единственная и вместе самая моя сердечная привязанность) не бываю, все глубже и далее ухожу от мира тянущей действительности в монастырь науки, все более и более черствеею к современным людям и убеждаюсь в мизерии бытия их <...> От мрака мизантропии спасает иногда присущий мне юмор, но и он у меня начинает получать какой-то злобный оттенок. Только дома да у себя в аудитории и согреваюсь еще надеждою <...>

Впрочем, что занимать мне Вас собою! Перейду к фактам. В октябре выпускаю в шестидесяти шести экземплярах первый том своего «Библиологического опыта об изучении древней русской словесности», а в ноябре, вероятно, выпущу такой же «Библиологический опыт об изучении русской народной поэзии».⁶⁸ Все уже сдано в типографию. В последней книге многое Вам не понравится, даже, может быть, на кой-что Вы и посердитесь, но не думаю, чтобы глубоко <...>, ибо Вы знаете же, что я могу сказать Вам неприятное, но никогда, со времени личного знакомства с Вами не могу сказать ничего грубо оскорбительного. Есть, впрочем, одна строка в книге, которую подвергаю Вашей предварительной цензуре; если сия строка Вам очень неприятна, то выброшу. Говоря в библиографическом перечне о статье Аксакова «Богатыри князя Владимира», я выразился юмористически-язвительно таким образом: «Статья, по словам О. Ф. Миллера, — блистательная, по суждению же известного исследователя Л. В. Дубельта, — «бесполезная и отчасти бессмысленная» («Исторический вестник», 1888 или 1887, т. 1, № 2, с. 248). Если претит Вам такое соседство и Вы прозрите здесь более, чем юмористический намек на преувеличенность Вашего отзыва, то я рад буду уничтожить сию строку, ибо, по чести, никакой другой цели не имел».⁶⁹

О славянофильских понятиях и трудах по русской народной поэзии Вы найдете несколько жестких, но — думаю — справедливых строк. Если же и есть несправедливость, то она понятна, как невольный противится тому неподобному поклонению, какое воздается им. Не скрою здесь, дорогой Орест Федорович, того впечатления, какое произвела на меня Ваша брошюра «Основы учения первоначальных славянофилов», точно я читал древнерусскую объяснительную записку к имеющему воспоследовать открытию «честных нетленных мощей святых угодников Алексия, Иоанна, Георгия и Константина в богоспасаемом граде Москве праведно подвизавшихся» или к канонизации их. Время только иное, а потому и результат иной <...> Эх, Орест Федорович <...> К чему прикрывать мистически идеальным туманом вещи, до очевидности простые, к чему *обманываться*: противна, как гроб, Европа (Запад), потерявшая всякую нравствен-

ность, сгубившая и угасившая в себе всякую жизнь духа, Европа жидовско-банкирская, солдатско-прусская; но не менее противен, противен еще более и Восток — как бы Вы его себе ни вообразили: в бессмысленном ли греко-славянстве Ламанского, в мечтательной ли общине взаимного доверия Аксакова, в таинствах ли соборной церкви Хомякова, в детской ли философии Киреевского, в откупном кабацтве Кошелева, в патриотически-банкирской риторике Ивана Аксакова <...> Не сими учениями восстанут наши силы к новой жизни; может ли само «опочившее» возродить других к новому бытию, новой, бурной духовной деятельности?! А что оно — «опочившее», то это верно; будь оно истинное, полное зародышей жизни, оно дало бы не такие плоды, к нему прибегали бы не только с отчаянья, не только в поисках за якорем житейским, а естественно и просто, как прибегали к христианству в первое время его жизни! Где же спасенье?

Ясно я покамест не вижу его; но кое-что передо мной носится: иное в определенных, иное — в колеблющихся образах <...> На первом плане наука, та наука, над которой все писания славянофилов первого порядка представляют как бы злую насмешку или пародию; ясная и простая идея отечества и обязанностей к нему — не отечества с увенчанным челом, а просто бедной русской земли; без мечтательных (а с действительными) общин, без елевзинских таинств всяких церквей и соборов и т. д.⁷⁰

Но довольно. Пора Вам, дорогой Орест Федорович, дать отдых. На днях получите Вы изданный мною III-й том сочинений Максимо-вича, заключающий в себе статьи по истории словесности.

Теперь просьба: имею я сведение, что Вы в университете когда-то произносили речь о «литературе татарской эпохи». Мне очень нужна она для моей библиологии. Нет ли оттисков, а если нет, то где помещена она? Да и вообще нет ли у Вас каких оттисков статей Ваших по истории русской словесности из Журнала Министерства народного просвещения, Зари и т. д.³ Удружите, если можно.

Дружественно обнимаю вас

Ваш А. Котляревский

КОММЕНТАРИИ

¹ А задовский М. К. История русской фольклористики. М., 1962. Т. 2. С. 149.

² Бодянский Осип Максимович (1808—1877) — филолог-славист, профессор Московского ун-та с 1842 по 1868 год, друг Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко и М. А. Максимовича, редактор журнала «Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете»; Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — выдающийся филолог, историк литературы и фольклора, лингвист, академик с 1881 г., сторонник мифологической теории и сравнительно-исторического метода; с интересом отнесся к теории заимствования, чем, видимо, и вызвано раздраженное замечание по его адресу в одном из писем Котляревского.

³ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — историк, первый директор Высших женских курсов в Петербурге; Ешевский Степан Васильевич (1829—1855) — историк, профессор Московского ун-та с 1858 по 1865 г., специалист по западноевропейской истории Раннего средневековья; Попов Нил Александрович (1833—1891) — славист и историк, преподаватель Казан-

ского и Московского ун-тов, позднее директор Московского архива Министерства юстиции, издатель «Актów Московского государства» и др. документов; Тихонравов Николай Саввич (1832—1893) — выдающийся историк русской литературы, с 1877 г. директор Московского ун-та, с 1890 г. академик, издатель «Летописей русской литературы и древности» с 1859 по 1863 г., «Памятников отреченной литературы» (1863) и др.

⁴ См. письмо П. Л. Лаврова к Котляревскому // Каторга и ссылка. 1928. № 2. Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — историк, литературовед и фольклорист, издатель «Народных русских сказок», был обвинен в связях с русской революционной эмиграцией и лишен государственной службы, подвергивался с Котляревским дружеские отношения в московский период его жизни.

⁵ Отечественные записки. 1859. № 1, отд. 3.

⁶ Веселовский А. Н. Воспоминание об А. А. Котляревском. Киев. 1888. С. 3.

⁷ Отечественные записки. 1859. № 4, отд. критики.

⁸ Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898) — славист, издатель «Песен, собранных П. В. Киреевским» (М., 1860—1874) и сборника «Калики перехожие» (М., 1861—1863); в примечаниях и заметках к указанным изданиям давал научно не обоснованные пояснения и допускал произвольные толкования фольклорных сюжетов и мотивов, за что подвергся критике в статье П. И. Якушкина «Кое-что об изданиях Бессоновым русских народных стихов и песен» (Соч. П. И. Якушкина. СПб., 1884). Критикуя Бессонова, Котляревский выступал на стороне демократического лагеря русской фольклористики.

⁹ Отечественные записки. 1859. № 3, отд. 3.

¹⁰ Там же. № 12, отд. 3.

¹¹ Там же. № 11, отд. 3.

¹² Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк и этнограф, писатель, один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, профессор Петербургского ун-та.

¹³ Поленов Дмитрий Васильевич (1806—1878) — историк и библиограф; его основные работы посвящены истории издания русских летописей. Речь идет о книге «Библиографическое обозрение русских летописей» (СПб., 1850).

¹⁴ Перевощиков Василий Матвеевич (1785—1851) — историк, писатель, профессор Казанского и Дерптского ун-тов, директор Дерптского профессорского института. Речь идет о его сочинении «О русских летописях и летописателях по 1240-й год. Материалы для истории словесности». (СПб., 1836).

¹⁵ Иванов Николай Алексеевич (1811—1869) — историк, профессор русской и всеобщей истории Казанского ун-та в 1840—1850-х гг., с 1856 г. преподавал в Дерпте, где познакомился с Котляревским, который ценил даровитого ученого и после его смерти посвятил ему некролог. В письме неточно названы следующие работы: «Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их». Казань, 1843; «Краткий обзор русских временников, находящихся в Москве и С.-Петербурге». Казань, 1843, где дано живое и интересное описание развития русской исторической науки до 1843 г. с меткой оценкой отдельных ее явлений.

¹⁶ Ni fallon! (греч.) — не падать!

¹⁷ Имеется в виду статья А. Клеванова «О значении русской летописи в духовном развитии народа», см.: «Чтения Общества истории и древностей российских». М., 1848. Кн. 1.

¹⁸ Шеппинг Дмитрий Осипович — автор многих работ по мифологии и этнографии; подвергался критике за поверхностность наблюдений, необоснованность выводов, непонимание произведений фольклора со стороны многих ученых, скажем, столь различных, как К. С. Аксаков и Котляревский.

¹⁹ Некоторые цитаты из писем Котляревского включены А. Н. Пыпиным в его «Очерк биографии А. А. Котляревского» (Соч. А. А. Котляревского. СПб., 1895. Т. 4). Подлинники писем обоях адресатов хранятся: ГПБ, ф. 386, № 97; ф. 621, № 441.

²⁰ Пыпин А. А. Очерк биографии А. А. Котляревского. С. XXXV—XXXVI.

²¹ Рукопись воспоминаний А. А. Кочубинского о Котляревском хранится: ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 275. Здесь и далее цитаты даны по указанной рукописи.

²² Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — известный филолог, славист, палеограф и этнограф, академик с 1854 г., воспитавший целое поколение известных русских ученых. Его учениками были Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский, сохранившие с ним дружеские отношения и позднее.

²³ Сообщения и доклады, читанные Котляревским на заседаниях Исторического о-ва Нестора-летописца, опубликованы: Соч. А. А. Котляревского. Т. 4. С. 624—692.

²⁴ В письме к А. Н. Пыпину Котляревский сообщал: «В ноябре пришло издание моей „Библиологии русской народной поэзии“. Последняя украшена и некими „полемическими красотоми“ против готовящейся канонизации и открытия мощей преподобных Алексия, Иоанна, Константина и Юрия в богоспасаемом граде Москве праведно подвизавшихся, то есть Хомякова, Киреевского, Аксакова первого и Самарина. Знаете, моченьки не стало от дурачеств, производимых с их „памятью“ и „учением“» (ГПБ, ф. 621, № 441).

²⁵ Миллер О. Ф.: 1) О нравственной стихии в поэзии. СПб., 1858; 2) В. Г. Белинский как педагог. Беседы о русской истории // Учитель. Ежегодник. 1861. В 1863 г. изданы отдельной книгой, переработаны и дополнены.

²⁶ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — публицист, редактор газеты «Московские ведомости» в 1850—1855, 1863—1887 гг., издатель журнала «Русский вестник»; в 1860-е гг. вел ожесточенную борьбу с прогрессивными направлениями в русском общественном движении и литературе.

²⁷ Статья О. Ф. Миллера о сказках — рецензия на сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». См.: 34-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1865.

²⁸ Котляревский перефразировал известное выражение А. С. Пушкина, который в письме к князю П. А. Вяземскому назвал «Беседу любителей русского слова» «Беседой губителей» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 9).

²⁹ Калачов Николай Васильевич (1818—1885) — историк, юрист, археограф, до 1852 г. руководил кафедрой истории русского законодательства в Московском ун-те, издатель «Архива историко-юридических сведений, относящихся до России», инициатор создания в Петербурге Археологического института и журнала «Юридический вестник».

³⁰ Перефразировано известное выражение Гамлета в одноименной трагедии Шекспира. *Гекаба* — обычно переводится с английского *Гекуба* в соответствии с произношением.

³¹ Котляревский, вероятно, имеет в виду работу О. Ф. Миллера «Славянский вопрос в науке и жизни» (СПб., 1865). Миллер писал в ответ: «Что касается моего сочувствия славянофилам, то я скажу Вам, что, кроме тех сочувственных сторон, которые и Вы признаете в них, они дороги для меня потому, что только благодаря им я стал заниматься народной словесностью. Не университетские лекции, а сборники Киреевского и Рыбникова и некоторые статьи „Дня“ были в этом отношении моею первой школой. Думаю даже заявить об этом в предисловии к моей будущей диссертации об Илье» (письмо от 4.08.1866. ГПБ., ф. 386, № 80).

³² Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, критик, лингвист, поэт, драматург; в статьях выражал славянофильские философско-исторические взгляды, был противником крепостничества; пьесы проникнуты славянофильским романтизмом; в лингвистических статьях стремился показать национальное своеобразие грамматического строя русского языка.

³³ Речь идет о книге Миллера «Опыт исторического обозрения русской словесности». 2-е изд. СПб., 1865.

³⁴ Козло-мейо-гербелевские переводы — поэтические переводы «Слова о полку Игореве», выполненные поэтами И. И. Козловым, Л. А. Меем и Н. В. Гербелем; опубликованы Миллером в «Хрестоматии» к «Опыту исторического обозрения русской словесности». СПб., 1866. Ч. 1.

³⁵ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.

³⁶ Котляревский, подвергнутый после освобождения из Петропавловской крепости секретному надзору полиции, опасался появления жандармов с обыском.

³⁷ В письме к Котляревскому Миллер излагал следующую просьбу: «Я в настоящее время кончаю издание IV части „Песен“ Рыбникова“ („Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“. СПб., 1867. Ч. IV). В ней есть две повести „Об Азовском осадном сидении“. Напишите мне, во-первых, не припомнится ли Вам подобная штука в каком-либо печатном сборнике; мне сдается, что я где-то давно-давно что-то такого рода видал, К(онстантину) Н(иколаевичу) (Бестужеву-Рюмину. — З. В.) сдается то же, но где — ни я, ни он не помню. Но затем еще вот что: в Румянцевском музее в рукописи под № 3078 на л. 313 значится по Востокову (имеется в виду „Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея“. СПб., 1842, составленное А. Х. Востоковым. — З. В.). „Повесть об Азовском сидении“. Если уже нельзя добиться позволения списать ее оттуда для напечатания в числе дополнений к издаваемой мною четвертой части Рыбникова, то не найдете ли Вы возможным по крайней мере прочесть ее и сообщить мне содержание: с чего начинается, как делится самый рассказ, каков тон: книжный или с примесью и насколько заметно — стихий устнонародной и т. п.» Миллер начинал просьбу с упоминания о предостережениях Д. Е. Кожанчикова (владелец книжного магазина в Петербурге, через которого шел оживленный книгообмен между московскими и петербургскими литераторами), что «все, дескать останется втуне за леностью по части исполнения поручений добрейшего впрочем Александра Александровича». Кожанчиков оказался прав: Котляревский не выполнил просьбу, но скорее всего не по лености, а из-за чрезвычайной занятости в связи с подготовкой магистерской диссертации. В советское уже время списки «Повести об Азовском осадном сидении» собрал и изучил акад. А. С. Орлов в книге «Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 и осадное сидение 1641)». М., 1936. См. его же: Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906.

³⁸ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — историк и археограф, с 1869 г. академик, хранитель Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки, ее директор с 1882 г., составил описание наличного состава древнерусских и южнославянских рукописей.

³⁹ Рецензия на исследование А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 1866. Т. 1. 800 с. См.: Отчет о 10-м присуждении награды графа Уварова 25 сентября 1867 г. СПб., 1868.

⁴⁰ Котляревский имел в виду работу Миллера над диссертацией. В ответ на упрек Миллер писал: «„Врачу, исцелися сам!“ — вот с чем обращается к Александру Александровичу покорный слуга его в ответ, правда поздний, на совет — дать медвяного питьца Илье Муромцу, сиречь диссертации покорнейшего слуги. А ваша-то, батюшка, диссертация где увязла?» — и сообщает далее, что отсутствие магистерской степени — одна из причин, по которой Котляревского не утверждают «дерптским просветителем».

⁴¹ Es ist mir nicht heimlich sich (нем.) — мне неужотно.

⁴² Лерх Петр Иванович (1828—1884) — ориенталист и археолог, автор «Исследований об иранских курдах и их предках, северных халдеях» (СПб., 1856).

⁴³ Речь идет о магистерской диссертации Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян»; была защищена 13 июня 1868 года, а 22 июля Котляревский уже утвержден экстра-ординарным профессором Дерптского университета.

⁴⁴ Имеется в виду К. Н. Бестужев-Рюмин (см. примеч. 3).

⁴⁵ Койбальской называет Котляревский теорию заимствования (от слова «койбалы» — упоминаемая Стасовым народность Сибири), которая оживленно обсуждалась в 1850-х гг. после появления трудов академика ориенталиста А. А. Шифнера и В. В. Радлова, впоследствии также академика. Стасов утверждал, что пришел к своей теории самостоятельным путем. Его работе «О происхождении русских былин» (СПб., 1868) в 1870 г. была присуждена Уваровская премия.

⁴⁶ Речь идет о статье Стасова «Блестящий триумвират» (Санкт-Петербургские ведомости. 1868. № 318—319), служащей ответом на выступления А. Ф. Гильфердинга (газ. «Москва», 1868. № 135—136), О. Ф. Миллера (Известия Рус. геогр. об-ва. 1868), А. Н. Веселовского (Журн. Мин-ва нар. про-

свещения. 1868. № 11). О. Ф. Миллер выступил также в газете «Голос» — «Ответ Стасову на статью „Блестящий триумвират“».

⁴⁷ *Laudatione* (лат.) — восхваления.

⁴⁸ Котляревский спрашивает о диссертации, опубликованной спустя год.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду Мемнон Петрович Петровский, знакомый Котляревского, преподаватель Казанского университета.

⁵⁰ В записке от 8.03.1869 г. Миллер писал: «Сегодня узнал я от К<онстанти>на Н<иколаевича>, что он писал Вам про меня, будто я на Вас zelo зол. Это неверно. Я нисколько не зол на Вас, не только на Вас, но и на самого Стасова со всеми его покровителями. Но скажу Вам прямо, что я бы на Вашем месте счел долгом поступить не по-вашему. К стати, Стасов представил свой труд на Уваровскую премию. Разбирать поручено Шифнеру и Буслаеву. От последнего, по словам Стасова, уже получено им сочувственное письмо». Упрек Миллера вызван тем, что Котляревский не выразил своего отношения к работе Стасова. Он сообщал ему 8 ноября: «Прю со Стасовым начал в Этнографическом отделе, о чем Вы, может быть, уже и знаете из сердитой заметки в „Вестнике Евр<опы>“ за ноябрь. Статья о Вашей диссертации не напишу до тех пор, пока Вы не сдержите слово — не начнете при с брасманом Руру (т. е. со Стасовым. — З. В.). Ваш голос будет более значить: Вы не славянофил и не фантазер, как аз грешный».

⁵¹ Миллер писал в ответ: «Относительно же ризы милосердия, которою я будто бы прикрываю Вас вместе со Стасовым, скажу, что она существует только в Вашем воображении: никакого милосердия тут нет и в помине, а просто-напросто не в моей натуре помнить оказанную мне несправедливость или причиненное мне огорчение, т. е. помнить в смысле злопамятства. Вот почему и Стасову, и Стасюлевичу я охотно протяну руку. < . . > Жду Вашего объяснения, но во всяком случае встречу с Вами по-старому, аки Иванушка-дурачок, любимый сказочный тип» (письмо от 16.03.1869 г.).

⁵² Выбор темы для докторской диссертации не был случайным. Котляревский считал неправильным изучать историю народа с появления письменности. «Если и теперь, — писал он Л. Н. Майкову, — по истечении целого десятка веков на севере и в глубинах Сибири простолудии с любовью поет про своих славных витязей и богатырей, то что же было в эпоху, когда народ в богатырские образы отливал свою собственную человеческую мощь и сущность, когда эти образы были для него ближе и дороже, чем ныне, когда он чувствовал их живое значение, любовался их нравственной физиономией, понимал сердцем их высокий смысл и значение?» (Соч. А. А. Котляревского. СПб., 1889. Т. 2. С. 244—245).

⁵³ Установить точное название и выходные данные этой книги не удалось.

⁵⁴ Рудченко И. Д. Народные русские сказки. Киев, 1865—1870. Вып. 1—2.

⁵⁵ Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк, славист. Его труды «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (СПб., 1859), «Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе» (СПб., 1870) вызвали ироническое отношение у Котляревского неубедительностью научной аргументации и панславистскими тенденциями. Миллер также употребил в письме от 18.02.1875 г. выражение «ламанская знаменитость» и писал: «Вы браните меня за то, что не воспользовался случаем откатать Безсонова (Ваша корректура!). А воображаете, что де-сиянс Академия (т. е. Академия наук. — З. В.) намерена поручить мне разбор его изданий. Я не откажусь, чтобы присудить ему премию, но при этом, конечно, отличу издателя от исследователя и выскажусь отчетливо против его бредней».

⁵⁶ *Unter dem Einflusse der deutschen Kultur und Wissenschaft* (нем.) — под влиянием немецкой науки и культуры.

⁵⁷ Яковлев Владимир Алексеевич (1840—1896) — доцент Дерптского ун-та, по рекомендации Котляревского, с 1871 по 1873 г., позднее — профессор Одесского ун-та.

⁵⁸ Имеется в виду Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — выдающийся русский филолог и историк литературы, с 1880 г. академик и руководитель Отделения языка и литературы Академии наук. Котляревский был более близок с его братом Алексеем Николаевичем (1843—1918), написавшим воспоминания о нем в год смерти Котляревского для Киевского ун-та.

⁵⁹ Лекция Миллера «О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу» опубликована в журнале «Древняя и новая Россия», 1876. № 5.

⁶⁰ Котляревский имеет в виду работу Миллера над книгой «Русская литература после Гоголя», изданной в 1878 г.

⁶¹ Niech będzie pochwalony Pan Bóg! (польск.) — Слава богу!

⁶² В письме от 24 сентября 1877 г. Миллер писал: «Вот Вам кандидат наш и славист соп атога (по призванию — лат. — *З. В.*) Иван Иванович Соколов. Обласкайте его, познакомьте, с кем найдете нужным, и вообще дайте ему освоиться в ученом киевском мире». На обороте: «Иван Иванович Соколов, кандидат С.-Петербургского университета, домашний учитель в семействе генерала Игнатьева. В Киеве: Прорезная улица, дом Федотовой, кв<артира> генерала Н. П. Игнатьева».

⁶³ Semper jurat in verba magistri (лат.) — буквально: часто клянется словами учителя, т. е. не имеет собственного мнения.

⁶⁴ Будилович Семен Антонович (1846—1900-е гг.) — славист, филолог, профессор Варшавского ун-та, поборник идей славянского единства; Коялович Михаил Осипович (1828—1891) — историк, славянофил, автор трудов по истории униатской церкви. Скабаланович Николай Афанасьевич (1848—1900-е гг.) — историк, публицист, редактор «Церковного вестника».

⁶⁵ Речь идет о работе Миллера «Славянство и Европа». СПб., 1877.

⁶⁶ Котляревский имеет в виду проникновение в экономику России западных компаний и банков и, кроме того, — панславистские тенденции у некоторых видных представителей образованной части общества.

⁶⁷ В примечании Миллер вспоминал критические отзывы Добролюбова и Котляревского на свою магистерскую диссертацию.

⁶⁸ Котляревский А. А. Опыт об изучении древней русской словесности. Воронеж, 1881. «Библиологический опыт об изучении русской народной поэзии» не был закончен. Местонахождение рукописи неизвестно.

⁶⁹ Миллер писал в ответ: «Печатать сопоставление моего отзыва с дубельтовским можете — я никогда не обижусь шуткою. Но за шутку я принимаю и Ваши слова, что статья моя представилась Вам объяснительной запиской к открытию „славянофильских мошей“. Получил я по поводу той же статьи большое письмо от К. Д. Кавелина (известный историк и юрист, либеральный публицист. — *З. В.*): оно вовсе не шуточное и весьма сочувственное людям, — во всяком случае далеко не дюжинным и в высшей степени благородным. Но Кавелин вследствие всех своих семейных потерь не стал мизантропом. (Кавелин почти одновременно потерял жену и сына. — *З. В.*) Жаль, если Вы стали им вследствие нездоровья. Спасибо по крайней мере за то, что не холопствуете перед „Европией“. Но где же „спасение“? — спрашиваете Вы сами. Ответ Ваш представляется мне слишком тусклым» (24.09.1880 г.).

⁷⁰ В этих скупых словах Котляревский осторожно выразил свою мечту о будущем новой России, стране с общественным характером труда и без губительного, как ему тогда казалось, влияния церкви. Миллер не понял его, осуждая уход Котляревского в чисто научные интересы: «Научный аскетизм, — писал он, — если бы даже и можно было опочить на лоне его от жизненных мелочей, и суеты, и дрязг, — никогда бы не удовлетворил пишущего это письмо» (там же).